

ГЛАВА II.

Распространенность этой системы. Щедрость, честь, деньги

I. Правила щедрости. Андаманцы (Н. В.)

Начнем с того, что такие обычаи обнаружены также у пигмеев — самых первобытных людей, согласно отцу Шмидту[536]. Браун с 1906 г. наблюдал факты подобного рода среди андаманцев (Северный остров) и превосходно описал их в связи с обычаями гостеприимства между локальными группами и визитами-празднествами, ярмарками, способствующими добровольно-обязательному обмену (торговля охрой и продуктами моря в обмен на продукты леса и т. д.). «Хотя такой обмен имеет важное значение, однако, поскольку локальная группа и семья в других случаях фактически могут обходиться собственными орудиями и т. д., эти подарки не служат той же цели, что торговля и обмен в более развитых обществах. Намерения их носят прежде всего моральную окраску, подарки должны породить дружеские чувства между обоими участниками действия, и если бы эта операция не привела к такому результату, вся она потеряла бы смысл...»[537]

“ «Никто не волен отказаться от предложенного подарка. Все, и мужчины и женщины, стараются превзойти друг друга в щедрости. Происходило нечто вроде соревнования за то, кто сможет дать больше всего вещей наибольшей ценности»[538].

Подарки скрепляют брак, образуют родство между двумя парами родителей. Они придают двум «сторонам» единую сущность, и эта сущностная идентичность отчетливо выражается запретом, который впредь, начиная с момента помолвки и до конца их дней, будет подчинять себе обе группы родственников: больше они не видятся друг с другом, не разговаривают, но непрерывно обмениваются подарками[539]. Реально этот запрет выражает и тесную близость, и страх, царящие между этими категориями взаимных кредиторов и должников. Существование такого принципа доказывается следующим: одно и то же табу, означающее одновременно тесную связь и отчужденность, устанавливается

еще между молодыми людьми обоих полов, прошедшими в одно время обряд «поедания черепахи и поедания свиньи»[540] и также обязанными всю жизнь обмениваться подарками. Подобного рода факты встречаются также в Австралии[541]. Браун сообщает также об обрядах встречи после долгой разлуки, об объятиях, о приветственных слезах; он показывает, как обмен подарками служит их эквивалентом[542] и как в нем замешаны и чувства, и люди[543].

В сущности, это смесь. Души смешивают с вещами, вещи — с душами. Соединяют жизни, и соединенные таким образом люди и вещи выходят каждый из своей среды и перемешиваются. А именно в этом и состоят договор и обмен.

II. Принципы, причины и интенсивность обменов дарами (Меланезия)

Меланезийцы лучше, чем полинезийцы, сохранили или развили потлач[544]. Но наш предмет иной. Во всяком случае, они лучше, чем полинезийцы, с одной стороны, сохранили, с другой — развили всю систему даров и этой формы обмена. А поскольку у них гораздо более четко, чем в Полинезии, проявляется понятие денег[545], система отчасти усложняется, но также и вырисовывается яснее.

Новая Каледония. Мы находим не только идеи, которые предстоит выделить, но даже их непосредственное выражение в характерных свидетельствах, которые Леенхардт собрал о новокаледонцах. Он начал описывать пилу-пилу и систему праздников, подарков, поставок всякого рода, включая денежные[546], которые, несомненно, надо квалифицировать как потлач. Правовые заявления в торжественных речах глашатаев весьма типичны. Так, во время церемониального представления ямса[547] на пиршестве глашатай говорит: «Если есть какая-нибудь старинная пилу, с которой мы не встречались там, у Ви... и т. д., этот ямс устремляется туда, как когда-то такой же ямс пришел от них к нам...»[548]. Возвращается вещь сама по себе. Далее в той же речи дух предков «ниспосылает... на эти части пищи эффект своего действия и силы». «Результат совершенного вами действия проявляется сегодня. Все поколения заговорили его устами». А вот другой способ представления правовой связи, не менее выразительный: «Наши праздники — это движение иглы, помогающей соединять части маленьких соломенных крыш, чтобы сделать из них одну только крышу, только одну клятву»[549]. Возвращаются те же самые вещи, одна и та же связующая нить[550]. Другие авторы приводят такие же факты[551].

Тробрианские острова. На другом краю меланезийского мира существует весьма развитая система, равнозначная системе новокаледонцев. Жители Тробрианских островов относятся к числу наиболее цивилизованных народов этого района. Сегодня это богатые ловцы жемчуга, а до прихода европейцев — богатые производители гончарных изделий, раковинных денег, каменных топоров и драгоценных изделий; они всегда были хорошими коммерсантами и отважными мореплавателями. И Малиновский действительно точно называет их «аргонавтами западной части Тихого океана», сравнивая их с сотоварищами

Ясона. В своей книге, одной из лучших в области дескриптивной социологии, разместившейся, так сказать, на территории предмета, который нас интересует, он описывает нам всю систему межплеменной и внутриплеменной торговли, носящую название кула[552]. Нам остается дожидаться описания всех институтов, управляемых теми же правовыми и экономическими принципами: бракосочетания, праздника мертвых, инициации и т. д. Следовательно, описание, которое мы дали, носит лишь временный характер. Но факты значительны и достоверны[553].

Кула представляет собой нечто вроде большого потлача; осуществляя большую межплеменную торговлю, она распространилась на всех Тробрианских островах, на части островов Д'Антракasto и островов Амфлетт. На этих территориях она косвенно затрагивает все племена, а прямо — несколько больших племен: племена добу на островах Амфлетт, кировина из Синакеты и китава на островах Тробриан, вакута на острове Вудларк. Малиновский не дает перевода слова кула, несомненно, означающего круг. И действительно, дело происходит так, как будто все эти племена, морские экспедиции, ценные вещи и предметы обихода, пища и праздники, услуги всякого рода, ритуальные и сексуальные, эти мужчины и женщины вовлечены в круг[554] и совершают по этому кругу упорядоченное движение во времени и в пространстве.

Торговля кула — занятие знати[555]. Оно отводится вождям, которые являются одновременно командирами флотилий, отдельных лодок, коммерсантами, а также получателями даров от своих подчиненных в виде их детей, братьев, супруга или супруги, тоже находящиеся у них в подчинении и в то же время являющихся вождями различных подчиненных деревень.

Кула осуществляется в благородной манере, внешне чисто бескорыстно и скромно[556]. Ее строго отличают от простого экономического обмена полезными товарами, именуемого гимвали[557]. Последний реально практикуется в дополнение к куле на больших первобытных ярмарках, каковыми являются собрания межплеменной кулы, или на маленьких рынках внутриплеменной кулы: он отличается очень упорным торгом сторон, т. е. поведением, недостойным в куле. Об индивиде, не ведущем кулу с необходимым благородством, говорят, что он ее «ведет, как гимвали». Внешне во всяком случае кула, как и потлач в Северо-Западной Америке, состоит в том, чтобы одни давали, а другие получали[558], причем получатели в следующий раз становятся дарителями. В наиболее развернутой, торжественной, возвышенной конкурентной форме[559] кулы, происходящей во время больших морских экспедиций, увалаку, правило предписывает уезжать, не беря с собой ничего для обмена, даже для вручения в обмен на пищу, которую отказываются просить. Полагается только получать. Когда же год спустя гостившее племя будет принимать флотилию из племени хозяев, подарки будут возмещены с избытком.

Однако и в куле меньшего масштаба морское путешествие используется для обмена грузами; сама знать занимается коммерцией, так как по этому поводу существует обширная туземная теория. Многих вещей домогаются[560], их выпрашивают, обменивают, устанавливаются всякого рода связи помимо кулы, но последняя по-прежнему остается целью, решающим моментом в этих связях.

Само дарение выступает в очень торжественных формах, к полученной вещи выражают пренебрежение, ее опасаются, ее берут лишь через минуту после того, как она брошена к ногам. Даритель принимает преувеличенно скромный вид[561]; торжественно и под звуки раковины поднося свой подарок, он извиняется за то, что дает лишь то, что у него осталось, и бросает к ногам соперника и партнера даримую вещь[562]. Однако звуки раковины и глашатай возвещают всем торжественность передачи. Всем этим стремятся показать щедрость, свободу, независимость и благородство[563]. И тем не менее, в сущности, действуют механизмы долга, и даже долга вещевого.

Основным объектом этих обменов-даров являются ваигу'а, нечто вроде денег[564]. Они бывают двух видов: мвали, красивые браслеты, сделанные из полированных раковин и надеваемые по поводу важных событий их владельцами или родственниками последних; сулава, ожерелья, изготовленные искусными токарями Синакеты из красивых, туго завитых красных раковин, отливающих перламутром.

Их надевают в торжественных случаях женщины[565], в виде исключения — мужчины, например чтобы отогнать беду[566]. Но обычно и ожерелья, и браслеты накапливают как сокровища. Их держат, чтобы наслаждаться их обладанием. Изготовление украшений, добыча и ювелирная обработка раковин, торговля этими двумя объектами обмена и престижа вместе с другими, более светскими и заурядными видами торговли являются источником богатств тробрианцев.

Согласно Малиновскому, эти ваигу'а охвачены чем-то вроде циркулярного движения: мвали, браслеты, постоянно передаются с запада на восток, а сулава всегда путешествуют с востока на запад[567].

Эти два противоположно направленные движения совершаются между всеми островами Тробриан, Д'Антракasto, Амфлетт и отдельными островами Вудларк, Маршалл Беннетт, Тубе-тубе и, наконец, крайним юго-востоком побережья Новой Гвинеи, откуда идут грубо обработанные браслеты. Там эта торговля встречается с большими экспедициями того же рода, идущими от Новой Гвинеи (южная часть островов Массим)[568], которые описывает Селигман.

В принципе циркуляция этих знаков богатства непрерывна и неотвратима. Их нельзя ни хранить слишком долго, ни медлить или скупиться[569] при избавлении от них, нельзя преподносить их никому иному, кроме как определенным партнерам в определенном направлении: «браслетное направление» — «ожерельное направление»[570]. Должно и можно хранить их от одной кулы к другой, и вся община гордится ваигу'а, которые получил кто-нибудь из ее вождей. Бывают даже такие случаи, как подготовка погребальных торжеств, больших с'ои, во время которой дозволено все время получать и ничего не возвращать[571]. Но это только для того, чтобы устроитель все вернул, все израсходовал во время самого торжества. Стало быть, полученный подарок становится собственностью. Но это собственность особого рода. Можно сказать, что она причастна к разнообразным правовым принципам, которые мы, люди нового времени, тщательно отделили друг от друга. Это собственность и владение, залог и аренда, вещь продаваемая и покупаемая и в то же время сданная на хранение, подлежащая передаче и фидеикомиссу[572], так как она

дается вам лишь при условии ее использования для другого или для передачи ее третьему, «отдаленному партнеру», мури-мури[573]. Таков экономический, юридический и моральный комплекс, подлинный тип, который Малиновский сумел открыть, определить, наблюдать и описать.

Этот институт имеет также свою мифологическую, религиозную и магическую сторону. Ваигу'а — это не просто индифферентные предметы, не просто монеты. Все они, по крайней мере наиболее дорогие и желанные (и другие объекты обладают таким же престижем)[574], имеют имя[575], личность, историю; с ними случаются даже любовные приключения. Дело доходит до того, что некоторые индивиды даже заимствуют их имена. Нельзя сказать, чтобы в действительности они были объектом некоего культа, так как тробрианцы — позитивисты в своем роде. Но нельзя не признать важность и священность природы этих предметов. Обладание ими «само по себе веселит, ободряет, утешает»[576]. Собственники ощупывают их и смотрят на них часами. Простой контакт способен передать их свойства[577]. Ваигу'а кладут на лоб, на грудь умирающего, ими трут его живот, их заставляют плясать перед его носом. Они составляют его последнюю поддержку.

Но более того. Сам договор ощущается в этой природе ваигу'а. Не только браслеты и ожерелья, но даже любое имущество, украшения, оружие — все, что принадлежит партнеру, настолько оживлено чувством, если не собственной душой, что они сами принимают участие в договоре[578]. Прекрасная формула заклинания, формула «завораживания двустворчатой раковины»[579], будучи произнесенной, служит тому, чтобы приворожить, привлечь[580] к «кандидату в партнеры» вещи, которые ему надлежит просить и получать:

“ (Возбуждение[581] овладевает моим партнером[582]),
Возбуждение овладевает его собакой,
Возбуждение овладевает его поясом...

И так далее: «...его гварой (табу на кокосовые орехи и бетель)[583];... его ожерельем багидо'у...; его ожерельем багирику,... его ожерельем багидуду[584]» и т. д.

Другая формула, более мифологическая[585] и любопытная, хотя и более обыденная, выражает ту же идею. У партнера по куле есть помощник, крокодил, которого он призывает и который должен принести ему ожерелья (на Китава — мвали).

“ Крокодил, накинься на твоего человека, унеси его, затолкай его под гебобо
(место для хранения товаров в лодке).
Крокодил, принеси мне ожерелье, принеси мне багидо'у, багирику и т. д.

Преыдущая формула того же ритуала взывает к хищной птице[586].

Последняя колдовская формула союзников и договаривающихся сторон (на Добу или Китава, у обитателей Киригина) содержит куплет[587], которому дают два истолкования. Ритуал очень длительный, он долго повторяется и имеет целью перечислить все, что кула

оттеняет, все проявления ненависти и войны, которые надо подвергнуть заклятию, чтобы начать дружеские переговоры.

“Вот твоя ярость — собака принюхивается. Вот твоя боевая раскраска — собака принюхивается. И т. д.

Согласно другим вариантам[588]:

“Твоя ярость, собака послушна. И т. д.

Или же:

“Твоя ярость уходит, как отлив, — собака играет. Твой гнев уходит, как отлив, — собака играет. И т. д.

Следует понимать: «Твоя ярость становится подобна играющей собаке». Основное — это метафора собаки, которая встает и подходит лизнуть руку хозяина. Так должен сделать мужчина или же женщина добу. Другая интерпретация, изощренная, по словам Малиновского, не свободная от схоластики, но, очевидно, вполне аборигенная, дает иной комментарий, который в большей мере совпадает с тем, что мы знаем об остальной части: «Собаки играют носом к носу. Как это давно установилось, когда вы произносите слово “собака”, драгоценные вещи поступают так же (т. е. играют). Мы дали браслеты, взамен придут ожерелья, и те и другие встретятся (как собаки, которые обнюхивают друг друга при встрече)». Притча, ее образы красивы. Здесь представлено сразу все переплетение коллективных чувств: возможная ненависть союзников, разобщенность ваигу'а, преодолеваемая волшебством; люди и драгоценные вещи, собирающиеся, как собаки, которые играют и прибегают на зов.

Другое символическое выражение — брак мвали, браслетов, женских символов и сулава, ожерелий, мужского символа, которые стремятся друг к другу, как самец к самке[589].

Эти различные метафоры точно передают то же самое, что в других терминах выражает мифологическая юриспруденция маори. В социологическом плане здесь вновь отражено смешение вещей, ценностей, договоров и людей[590].

К сожалению, мы плохо знаем правовой порядок, господствующий в этих сделках. Либо он не осознан и плохо сформулирован жителями Киривина, информаторами Малиновского, либо, будучи ясным для тробрианцев, он должен стать объектом нового обследования. В нашем распоряжении имеются лишь отдельные детали. Первый дар ваигу'а носит название вага, “opening gift”[591]. Он начинается — и решительно обязывает получателя дара сделать подарок взамен, иотиле[592], который Малиновский превосходно переводит как “clinging gift” — «дар, завершающий сделку». Другое название последнего дара — куду — зуб, который откусывает, отсекает, разрубает и освобождает[593]. Последний дар обязателен, его ждут, и он должен быть равен первому; при случае можно взять его силой или

обманом[594]. Можно[595] мстить[596] магическими средствами или по крайней мере оскорблениями и руганью за плохой или невозмещаемый иотиле. Если человек не может дать его эквивалента, можно в крайнем случае предложить базы, который только «колет» кожу, не откусывая ее, т. е. не завершает дело. Это нечто вроде подарка ожидания, дающего отсрочку; он успокаивает заимодавца — экс-дарителя, но не освобождает должника[597], будущего дарителя. Все эти детали любопытны, формы выражения поражают, но здесь нет санкции. Является ли она чисто нравственной[598] и магической? Только ли презирается и при случае околдовывается индивид, «скупой в куле»? Не теряет ли неверный партнер нечто иное: свой знатный ранг или по крайней мере место среди вождей? Вот что еще надо выяснить.

Но, с другой стороны, такая система типична. За исключением древнего германского права, о котором речь пойдет дальше, на современном уровне наблюдений, наших исторических, юридических и экономических знаний трудно встретить практику дара-обмена более четкую, более полную и более осознанную и в то же время лучше понятую наблюдателем, чем та, которую Малиновский обнаружил на островах Тробриан[599].

Кула — основная часть этой практики — сама по себе составляет лишь наиболее торжественный момент в обширной системе поставок и ответных поставок, которая охватывает поистине всю совокупность экономической и гражданской жизни островов Тробриан. Кула представляется именно кульминационным пунктом этой жизни, особенно интернациональная и межплеменная кула. Конечно, она составляет одну из целей существования и больших путешествий, но в целом в них участвуют только вожди, притом лишь вожди прибрежных племен, а точнее — некоторых прибрежных племен. Кула лишь конкретизирует, объединяет множество других институтов.

Прежде всего, сам обмен ваигу'а включается во время кулы в целую серию других обменов крайне разнообразной гаммы: от торга до заработной платы, от просьбы до чистой вежливости, от полного гостеприимства до умолчаний и стыдливости. Во-первых, за исключением больших торжественных экспедиций, имеющих чисто церемониальный и соревновательный характер[600], увалаку, все кулы являются поводом для гимвали, прозаических обменов, а последние не обязательно происходят между партнерами[601]. Существует свободный рынок между индивидами союзных племен наряду с более тесными объединениями. Во-вторых, между партнерами в куле происходит непрерывный обмен дополнительными подарками — их преподносят и получают взамен, а также обязательные торги. Кула даже предписывает их существование. Создаваемое ею объединение, составляющее ее принцип[602], начинается с первого подарка, вага, которого добиваются из всех сил «упрашиваниями». Ради этого первого подарка можно угодничать перед будущим еще независимым партнером, которому платят в некотором роде первой серией подарков[603]. Хотя есть уверенность в том, что ответный ваигу'а, иотиле, будет возмещен, однако нельзя быть уверенным, что будет дана вага и что сами «упрашивания» будут приняты. Этот способ прошения и принятия подарка является правилом; каждый из вручаемых таким образом подарков носит специальное имя; их демонстрируют, прежде чем вручить; в данном случае это пари[604]. Другие носят название, указывающее на благородную и магическую природу даримого объекта[605]. Но принять одно из этих подношений — значит выразить склонность к тому, чтобы войти в игру, если не остаться в

ней. Некоторые имена этих подарков выражают правовую ситуацию, которую их принятие влечет за собой[606]: в этом случае сделка считается заключенной. Этот подарок обычно представляет собой нечто достаточно ценное, например большой топор из гладкого камня, ложка из китовой кости. Принять его — в действительности значит обязаться дать вага, первый желаемый дар. Но пока стороны еще остаются полупартнерами. Только торжественная передача вещи связывает их полностью. Значение и природа этих подношений связаны с особым соперничеством, возникающим между возможными партнерами из прибывающей экспедиции. Они выискивают наилучшего возможного партнера из другого племени. Причина существенна, так как союз, который стремятся создать, устанавливает нечто вроде клана между партнерами[607]. Чтобы осуществить выбор, надо, стало быть, соблазнить, обольстить[608]. Полностью учитывая ранги[609], надо достигнуть цели раньше других или лучше других, произвести, таким образом, наиболее широкие обмены на самые богатые вещи, которые, естественно, являются собственностью самых богатых людей. Конкуренция, соперничество, хвастовство, стремление к возвышению и выгоде — таковы мотивы, скрывающиеся за этими актами[610].

Таковы дары прибытия; на них отвечают и им соответствуют другие дары — это дары отъезда (называемые в Синакете тало'и[611], прощальные); они всегда превосходят дары прибытия. Уже помимо кулы совершается цикл ростовщических поставок и ответных поставок.

Естественно, на протяжении всего времени совершения этих сделок происходят поставки в виде гостеприимства, пищи и женщин (в Синакете)[612]. Наконец, все это время преподносят и другие дополнительные дары, всегда аккуратно возмещаемые. Представляется даже, что обмен этими коротумна является первобытной формой кулы, когда она включала в себя также обмен каменными топорами[613] и изогнутыми свинными клыками[614].

Впрочем, в нашем понимании вся межплеменная кула представляет собой лишь крайний, наиболее торжественный и драматический пример более общей системы. Она полностью выводит само племя за его узкие пределы, даже за пределы его интересов и прав, однако обычно кланы, деревни внутри себя объединены связями того же рода. Только в данном случае это локальные и домашние группы, и их главы, снимаясь со своих мест, наносят друг другу визиты, ведут торговлю и заключают браки. Возможно, это уже не называется кулой. Тем не менее Малиновский с полным основанием пишет не только о «морской куле», но и о «внутренней куле» и о «куловых общинах», снабжающих вождя объектами его обмена. Но не будет преувеличением говорить в этих случаях и о потлаче в собственном смысле. Например, визиты жителей Киривины на Китаву на траурные церемонии с'ои[615] содержат множество иных элементов помимо обмена ваигу'а. Мы видим там нечто вроде ложного наступления (иоулавада)[616], распределение пищи с выставлением свиней и ямса.

С другой стороны, ваигу'а и все эти объекты не всегда приобретаются, производятся и обмениваются самими вождями[617], и, можно сказать, они не производятся[618] и не обмениваются вождями для самих себя. Большая часть стекается к вождям в форме даров от их родственников более низкого ранга, в частности от зятьев, являющихся в то же время вассалами[619], или от сыновей, которые получили отдельное владение. Взамен, когда

экспедиция возвращается, большая часть ваигу'а торжественно передается вождям деревень, кланов и даже простым людям присоединившихся кланов, в целом — любому, кто принял участие в экспедиции, прямое или косвенное, а часто очень косвенное[620]. Таким образом они получают компенсацию.

Наконец, рядом или, если угодно, над, под, вокруг и, на наш взгляд, в глубине этой системы внутренней кулы система обмениваемых даров охватывает всю экономическую, племенную и моральную жизнь тробрианцев. Она пропитана ею, как очень точно говорит Малиновский. Она представляет собой постоянное «давать и брать»[621]. Она как будто пронизана со всех сторон дарами даваемыми, получаемыми, возвращаемыми, обязательными и корыстными, дарами для возвышения и за услуги, в качестве вызова и залога. Мы не можем привести здесь все эти факты, публикацию которых сам Малиновский, впрочем, не закончил. Приведем всего два основных.

Существует зависимость, совершенно аналогичная отношениям кулы и вази[622]. Она устанавливает регулярные обязательные обмены между партнерами из земледельческих племен, с одной стороны, и мореходных племен — с другой. Союзник-земледелец раскладывает свои продукты перед домом своего партнера-рыболова. Тот в следующий раз — после большой рыбной ловли — с избытком возместит полученные в земледельческой деревне продукты продуктами своего труда[623]. Это та же система разделения труда, существование которой мы констатировали на Новой Зеландии.

Другая важная форма обмена имеет значение выставки и раздачи[624]. Это сагали, большие раздачи пищи[625], которые устраивают во многих случаях: при сборе урожая, постройке хижины вождя и новых лодок, при траурных празднествах[626]. Эти раздачи устраиваются для групп, оказавших услуги вождю или его клану[627] в обработке земли, перевозке больших стволов деревьев, из которых вытесывают лодки, и балок, в услугах по погребению, оказываемых людьми из клана умершего, и т. д. Эти раздачи совершенно равнозначны потлачу у тлинкитов; в них возникает даже тема борьбы и соперничества. Мы видим в них столкновение кланов и фратрий союзных семей, и вообще они выступают как групповые явления в той мере, в какой в них не ощущается индивидуальность вождя.

Но помимо этого группового права и коллективной экономики, уже менее родственных куле, к данному типу принадлежат, на наш взгляд, все индивидуальные отношения обмена. Возможно, только некоторые из них относятся к категории простой сделки. Однако, поскольку последняя совершается почти исключительно между родственниками, союзниками или партнерами по куле и вози, маловероятно, чтобы этот обмен был действительно свободным. Вообще, даже то, что получают или чем завладевают любым способом, не хранят для себя, если только могут без этого обойтись; обычно полученное передают кому-нибудь другому, например шурина[628]. Случается, одни и те же вещи, которые приобрели и отдали, возвращаются обратно в тот же день.

Все вознаграждения за поставки любого рода, вещи и услуги возвращаются обратно. Приведем без дальнейшей систематизации наиболее важные из них.

Покала[629] и карибуту[630], “sollicitory gifts”[631], которые мы видели в куле, являются видами по отношению к гораздо более обширному роду, достаточно точно соответствующему тому, что мы называем заработной платой. Ее вручают богам, духам. Другое родовое название заработной платы — это вакапула[632], мапула[633] — знаки признательности и хорошего приема, и они должны быть возмещены. В этом вопросе Малиновский, по нашему мнению, сделал весьма значительное открытие[634], проясняющее все экономические и юридические отношения между полами в браке: разного рода услуги, оказываемые жене мужем, рассматриваются как зарплата — дар за услугу, оказываемую женой, когда она предоставляет то, что Коран называет также «нивой».

Несколько наивный юридический язык тробрианцев увеличил различия в названиях разного рода ответных поставок, обозначаемых соответственно названию компенсируемой поставки[635], даваемой вещи[636], обстоятельствам[637] и т. д. Некоторые названия учитывают все эти моменты, например дар, вручаемый колдуну или по случаю присвоения титула и называемый лага[638]. Невозможно представить себе, до какой степени весь этот словарь усложнен странной неспособностью разделять и определять и удивительной изощренностью номенклатур.

Другие меланезийские общества

Увеличивать число сравнений с другими районами Меланезии нет необходимости. Однако некоторые извлеченные из разных мест детали подкрепят наши выводы и докажут, что тробрианцы и новокаледонцы просто развили принцип, встречающийся и у других родственных им народов.

На крайнем юге Меланезии, на Фиджи, где мы установили существование потлача, действуют и другие примечательные институты, входящие в систему дарения. Существует период, называемый кере-кере, во время которого нельзя ни в чем никому отказать[639]: сюда входит обмен подарками между двумя семьями во время бракосочетания[640] и т. д. Более того, деньги на Фиджи в виде зубов кашалота точно такие, как деньги тробрианцев. Они носят название тамбуа[641]. К ним добавляются камни («матери зубов») и украшения, различные амулеты, талисманы и фетиши племени. Чувства, питаемые фиджийцами в отношении своих тамбуа, точно такие, как только что описанные нами: «К ним относятся как к куклам, их вынимают из корзины, ими восхищаются и говорят об их красоте; их “мать” смазывают и полируют»[642]. Их дарение является принудительным; принять их — значит взять на себя обязательства[643].

Меланезийцы Новой Гвинеи и часть папуасов, подвергшихся их влиянию, называют свои деньги тау-тау[644]; они относятся к той же категории и являются объектом тех же верований, что и деньги на островах Тробриан[645]. Но надо связать это название также с таху-таху[646], что означает «заимствование свинины» (моту и коита). Однако это слово[647] нам знакомо. Это тот самый полинезийский термин, корень слова таонга, обозначающий на Самоа и Новой Зеландии драгоценности и собственность, собранные в семье. Сами слова являются полинезийскими, как и вещи[648].

Известно, что у меланезийцев и папуасов Новой Гвинеи существует потлач[649].

Прекрасные данные о племенах острова Буин[650] и банаро[651], сообщаемые Турнвальдом, уже обеспечили нас множеством опорных пунктов для сравнения. Там, в частности, очевиден религиозный характер обмениваемых вещей — это относится к деньгам, к способу, которым ими компенсируют песнопения, женщин, любовь, услуги: как и на островах Тробриан, они представляют собой нечто вроде залога. Наконец, Турнвальд проанализировал в хорошо изученной категории фактов[652] один наиболее ярко иллюстрирующий и систему взаимных даров, и «брак посредством покупки» (неточное название). Последний в действительности охватывает поставки в любых направлениях, включая поставки со стороны семьи новобрачной. Женщину, родственники которой не сделали достаточных ответных подарков, отправляют обратно.

В целом весь мир островов и, вероятно, часть родственного ему мира Южной Азии знаком с той же правовой и экономической системой. Следовательно, представление об этих меланезийских племенах, еще более богатых и активно торгующих, чем полинезийские, должно значительно отличаться от бытующего. У этих людей экономика выходит за рамки домашнего хозяйства, а система обмена весьма развита и отличается, быть может, более интенсивными и стремительными ритмами, чем та, которая еще 100 лет назад была присуща нашим крестьянам или прибрежным рыбацким деревням. Экономическая жизнь у них широко развита и выходит за пределы островов и диалектных групп, они ведут активную торговлю. Однако система купли-продажи в очень сильной степени замещена у них дарением и ответными дарами.

Препятствие, с которым столкнулось это право (равно как и германское право, мы это увидим далее), — это неспособность абстрагировать и разделить свои экономические и юридические понятия. Впрочем, они в этом и не нуждались. В этих обществах ни клан, ни семья не могут ни разъединиться, ни разграничить свои действия. Даже сами индивиды, какими бы влиятельными и сознательными они ни были, не могут осознать, что им надо противопоставить себя друг другу и уметь отделить одни свои действия от других. Вождь сливается со своим кланом, а клан — с ним; индивиды ощущают, что они действуют только единообразно. Холмс тонко замечает, что в обоих языках, папуасском и меланезийском, с которыми он познакомился в устье р. Финке (тоарипи и намау), имеется «лишь один термин для обозначения покупки и продажи, для выдачи займа и его получения». Операции, «противоположные по содержанию, выражаются одним и тем же словом»[653]. «Строго говоря, они не знали получения и выдачи ссуды в том смысле, в каком мы употребляем эти термины, но всегда было нечто даваемое в виде вознаграждения за заем и возвращаемое при возврате займа»[654]. Эти люди понятия не имеют ни о продаже, ни о предоставлении займа, однако же осуществляют юридические и экономические операции, выполняющие ту же функцию.

Аналогичным образом понятие сделки меланезийцам так же несвойственно, как и полинезийцам.

Круит, один из лучших этнографов, продолжая пользоваться словом «продажа», дает нам точное описание[655] того, как это понимается жителями Центрального Целебеса. И тем не менее тораджи с давних пор находятся в контакте с малайцами, активными торговцами.

Итак, определенная часть человечества, относительно богатая, трудолюбивая, создавшая значительные излишки, могла и может обменивать множество вещей в иных формах и на иных основаниях, чем те, что присущи нам.

Северо-запад Америки

Честь и кредит

Из приведенных наблюдений над некоторыми меланезийскими и полинезийскими народами уже вырисовывается весьма четкий облик порядка дарения. Материальная и моральная жизнь, обмен функционируют там в бескорыстной и в то же время обязательной форме. Более того, эта обязательность выражается мифологическим, воображаемым или, если угодно, символическим и коллективным способами: она принимает форму интереса к обмененным вещам. Последние никогда не отрываются от участников обмена, а создаваемые ими общность и союзы относительно нерасторжимы. В действительности этот символ социальной жизни — постоянство и влияние обмениваемых вещей — лишь выражает достаточно прямой способ, которым подгруппы этих сегментированных обществ архаического типа постоянно встраиваются одна в другую, во всем чувствуя себя в долгу друг перед другом.

Индийские племена северо-запада Америки обладают теми же самыми институтами, только более радикальными, более четко выраженными. Прежде всего можно утверждать, что сделка здесь неизвестна. Даже после длительного контакта с европейцами[656] ни одна из многочисленных передач имущества[657], производимых здесь постоянно, не существуют иначе как в торжественных формах потлача[658]. Мы опишем последний институт, исходя из нашей точки зрения.

“ N В. Вначале необходимо краткое описание этих обществ. Племена, народы или, точнее, группы племен[659], о которых пойдет речь, — все обитают на побережье северо-запада Америки, Аляски (тлинкиты и хайда) и Британской Колумбии (главным образом хайда, цимшианы и квакиютли).[660] Они также промышляют больше морской и речной рыбной ловлей, чем охотой, по в отличие от меланезийцев и полинезийцев у них нет земледелия. Они, однако, очень богаты, и даже сейчас рыбная ловля, охота, меха оставляют им значительные излишки, исчисляемые главным образом в европейских расценках. У них самые прочные дома из всех американских племен и весьма развита обработка кедра. Их лодки хороши, и, хотя они почти не рискуют выходить в открытое море, они умеют плавать между островами и побережьем. Их ремесла высоко развиты. В частности, даже до знакомства с железом в XVIII в. они умели собирать, плавить, формовать и чеканить медь, которую находят в самородках на территории цимшиан и тлинкитов. Часть медных пластинок, настоящие гербовые экю, служили им чем-то вроде денег. Другим видом денег были, конечно, прекрасные шерстяные накидки,

так называемые чилкат[661] с восхитительными узорами; они служат для украшения; некоторые из них имеют большую ценность. У этих народов есть превосходные профессиональные скульпторы и рисовальщики. Обработанные ими трубки, дубины, палки, ложки из резного рога и пр. являются украшением наших этнографических коллекций. Вся эта цивилизация удивительно единообразна в достаточно широких пределах. Несомненно, эти общества с очень давних времен взаимопроникали друг в друга, хотя они и принадлежат, по крайней мере лингвистически, не менее чем к трем различным семьям народов[662]. Даже у самых южных из них жизнь зимой существенно отличается от жизни летом. У племени двойная морфология: начиная с конца весны они рассеиваются, занимаясь охотой, сбором питательных корней и ягод в горах, ловлей лосося в реках; с зимы они собираются в так называемых городах. И именно тогда, в течение всего периода этой концентрации, они находятся в состоянии непрерывного возбуждения. Их социальная жизнь там становится чрезвычайно интенсивной, даже более интенсивной, чем на собраниях племен, которые могут происходить летом. Она представляет собой что-то вроде непрерывного брожения. Тут и постоянные визиты целых племен, кланов и семей друг к другу, и повторяющиеся затяжные праздники, каждый из которых зачастую весьма продолжителен. По случаю бракосочетания, различных ритуалов, повышения статуса расходуют, не считая, все, что было в течение лета и осени накоплено промыслом на одном из самых богатых побережий мира. Сама частная жизнь протекает таким же образом: приглашают людей из своего клана, когда убивают тюленя, когда открывают ящик с консервированными ягодами или кореньями, созывают всех, когда на берег выбрасывает кита.

Моральная сторона цивилизации также весьма единообразна, хотя и располагается ступенями между режимом фратрии (тлинкиты и хайда) с материнской формой наследования и клана с умеренной мужской формой наследования квакиютлей. При этом общие характеристики социальной организации, и в частности тотемизма, оказываются почти одинаковыми у всех племен. У них существуют братства, как в Меланезии на островах Банкс (не строго называемые секретными обществами), часто межнациональные, где, однако, общество мужчин, а у квакиютлей, конечно, и общество женщин перекрывают организации кланов. Часть даров и ответных поставок, о которых мы будем говорить, предназначена, как и в Меланезии[663], для оплаты последовательно достигаемых степеней и возвышений[664] в братствах. Ритуалы этих братств и кланов следуют за бракосочетаниями вождей, «продажами меди», инициациями, шаманистскими и погребальными церемониями (последние наиболее развиты у хайда и тлинкитов). Все это осуществляется в ходе непрерывного потлача. Существуют потлачи в любом направлении, соответствующие другим потлачам в любом направлении. Как и в Меланезии, это постоянный процесс give and take, «даем — получаем».

Сам потлач, столь распространенный и в то же время столь характерный для этих племен, есть не что иное, как система взаимообмена дарами[665]. Потлач отличают лишь вызываемое им буйство, излишества, антагонизмы, с одной стороны, а с другой — некоторая скудость юридических понятий, более простая и грубая структура, чем в Меланезии, особенно у двух наций Севера: тлинкитов и хайда[666]. Коллективный характер договора[667] проступает у них более явно, чем в Меланезии и Полинезии. Эти общества, несмотря на их внешний облик, в сущности, ближе к тому, что мы называем тотальными простыми поставками. Юридические и экономические понятия в них также отличаются меньшей четкостью, ясностью и точностью. Тем не менее на практике принципы определены и достаточно ясны.

Два понятия в них, однако, гораздо четче выражены, чем в меланезийском потлаче или чем в более развитых и расчлененных институтах Полинезии: это понятия кредита, рассрочки и понятие чести[668].

Как мы видели, в Меланезии, в Полинезии дары циркулируют вместе с уверенностью, что они будут возмещены, имея в качестве «гарантии» силу даваемой вещи, которая сама есть эта «гарантия». Но в любом обществе природа дара обязывает к определенному сроку. Из самого определения явствует, что совместная трапеза, раздача кавы, уносимый талисман не могут быть возвращены немедленно. Необходимо «время», чтобы осуществить любую ответную поставку. Понятие срока, таким образом, логически присутствует, когда речь идет о нанесении визитов, брачных договорах, союзах, заключении мира, прибытии на регулярные игры и бои, об участии в тех или иных праздниках, оказании взаимных ритуальных и почетных услуг, о «проявлениях взаимного уважения»[669] — любых явлениях, обмениваемых одновременно с вещами, становящимися все более многочисленными и дорогими по мере того, как эти общества становятся богаче.

Современная экономическая и юридическая историография полна заблуждений в этом вопросе. Пропитанная новыми идеями, она создает себе априорные представления об эволюции[670], следуя так называемой необходимой логике; по существу же она остается в данном случае в плену старых традиций. Нет ничего опаснее этой «бессознательной социологии», как называл ее Симиан[671]. Например, Кук также утверждает: «В первобытных обществах понимают только режим непосредственного обмена, в передовых обществах практикуется продажа за наличные. Продажа в кредит характеризует высшую фазу цивилизации; она появляется вначале в искаженной форме как сочетание продажи за наличные и займа»[672]. На самом же деле отправной пункт иной. Он содержится в категории права, которую юристы и экономисты, не интересующиеся этим, оставляют в стороне; это дар, феномен сложный, особенно в его наиболее древней форме, форме тотальной поставки, которую мы не изучаем в этом исследовании. Однако дар с необходимостью порождает понятие кредита. Эволюция не вызвала перехода права от экономики непосредственного обмена к торговле, а в торговле — от оплаты наличными к рассрочке. Именно из системы подарков, даваемых и получаемых взамен через какой-то срок, выросли, с одной стороны, непосредственный обмен (через упрощение, сближение ранее разделенных сроков), а с другой стороны, покупка и продажа (последняя — в рассрочку и за наличные), а также заем. Ибо нет никаких доказательств того, чтобы хотя бы одна правовая система, предшествующая описываемой нами фазе (в частности, вавилонское

право), не знала кредита, известного во всех архаических обществах, существующих вокруг нас. Вот как просто и реалистично можно решить проблему двух «моментов времени», которые договор соединяет и которые уже исследовал Дави[673].

Не менее значительна роль, которую в этих транзакциях у индейцев играет понятие чести.

Нигде индивидуальный престиж вождя и престиж его клана не связаны так тесно с расходами и точным ростовщическим расчетом при возмещении принятых даров, с тем чтобы превратить в должников тех, кто сделал должниками вас. Потребление и разрушение при этом действительно не знают границ. В некоторых видах потлача от человека требуется истратить все, что у него есть, и ничего не оставлять себе[674]. Тот, кому предстоит быть самым богатым, должен быть также самым безумным расточителем. Принцип антагонизма и соперничества составляет основу всего. Политический статус индивидов в братствах и кланах, ранги разного рода достигаются «войной имуществ»[675] так же, как и войной, удачей, наследованием, союзом или браком. Но все рассматривается так, как если бы это была только борьба богатств»[676]. Бракосочетание детей, участие в братствах осуществляются только в процессе обменных и ответных потлачей. Их теряют в потлаче, как теряют на войне, в игре, на скачках, в борьбе[677]. В ряде случаев их даже не дарят и возмещают, а просто разрушают[678], не стремясь создавать даже видимость желания получить что-либо обратно. Сжигают целые ящики рыбьего жира (candle-fisch) или китового жира[679], сжигают дома и огромное множество одеял, разбивают самые дорогие медные изделия, выбрасывают их в водоемы, чтобы подавить, унижить соперника[680]. Таким образом обеспечивают продвижение по социальной лестнице не только самого себя, но также и своей семьи. Такова, стало быть, правовая и экономическая система, в которой тратятся и перемещаются значительные богатства. Если угодно, можно назвать эти перемещения обменом или даже коммерцией, продажей[681], но это коммерция благородная, проникнутая этикетом и великодушием. Во всяком случае, когда она осуществляется в другом духе, с целью непосредственного получения прибыли, она становится объектом подчеркнутого презрения[682].

Как мы видим, понятие чести, активно действующее в Полинезии, всегда присутствующее в Меланезии, здесь производит настоящие опустошения. В этом пункте классические учения также неправильно оценивают значение побудительных причин человеческого поведения и всего, чем мы обязаны предшествующим нам обществам. Даже столь искушенный ученый, как Ювелен, счел необходимым выводить понятие чести, рассматриваемое как лишенное эффективности, из понятия магической эффективности[683]. Он усматривает в чести, престиже лишь заменитель этой эффективности. Реальность сложнее. Понятие чести в не меньшей мере присуще этим цивилизациям, чем понятие магии[684]. Сама полинезийская мана символизирует не только магическую силу каждого существа, но также его честь, и один из лучших переводов этого слова — авторитет, богатство[685]. Потлач у тлинкитов и хайда состоит во взгляде на взаимные услуги как на честь[686]. Даже в подлинно первобытных племенах, таких как австралийские, вопросы чести столь же чувствительны, как в наших обществах, где получают удовлетворение от поставок, пищевых подношений, обрядов так же, как и от даров[687]. Люди научились связывать между собой честь и имя задолго до того, как научились расписываться.

Потлач северо-запада Америки был достаточно изучен во всем, что касается самой формы договора. Необходимо, однако, выявить место, которое должны занять исследования потлача, проведенные Дави и Леонардом Адамом[688], в более широких рамках интересующего нас предмета. Ибо потлач гораздо больше, чем юридический феномен: он один из тех феноменов, которые мы предлагаем называть «тотальными». Он является религиозным, мифологическим и шаманистским, поскольку вожди, участвующие в нем и представляющие его, олицетворяют в нем предков и богов, имена которых они носят, танцы которых они исполняют и во власти чьих духов они находятся[689]. Он является экономическим, и надо измерять стоимость, значение, основания и следствия этих соглашений, огромных, даже если исходить из сегодняшней европейской стоимости[690]. Потлач есть также феномен социально-морфологический: собрание племен, кланов и семей, даже наций сообщает ему нервозность, чрезвычайное возбуждение. Люди братаются и в то же время остаются чужими; они общаются и противодействуют друг другу в гигантской коммерции и постоянном турнире[691]. Мы не касаемся чрезвычайно многочисленных эстетических явлений. Наконец, даже с юридической точки зрения, в придачу к тому, что уже выявлено в форме этих контрактов и в том, что можно было бы назвать человеческим объектом договора, в придачу к юридическому статусу договаривающихся сторон (кланов, семей, рангов и брачующихся) надо добавить вот что: материальные объекты договоров, обмениваемые в них вещи, также обладают особым свойством, заставляющим их давать и особенно возмещать.

Если бы не недостаток места, в ходе наших рассуждений было бы полезно разграничить четыре формы потлача на северо-западе Америки: 1) потлач, в котором участвуют исключительно или почти исключительно фратрии и семьи вождей (тлинкиты); 2) потлач, в котором фратрии, кланы, вожди и семьи играют примерно равную роль; 3) потлач между вождями, выступающими друг против друга кланами (цимшианы); 4) потлач вождей и братств (квакиютли). Но подобное разграничение потребовало бы слишком много места, и, кроме того, три формы из четырех (за исключением той, что у цимшиан) были выделены и представлены Дави[692]. Наконец, в части, касающейся нашего исследования, направленного на три темы дара: обязанности давать, обязанности брать и обязанности возмещать, эти четыре формы потлача относительно одинаковы.

Три обязанности: давать, получать, возмещать

Обязанность давать составляет сущность потлача. Вождь должен устраивать потлач за себя, своего сына, зятя или дочь[693], за своих умерших[694]. Он сохраняет свой ранг в племени и в деревне, даже в собственной семье, он поддерживает свой ранг среди вождей[695], в национальном и международном масштабе, только если доказывает, что духи и богатство постоянно посещают его и ему благоприятствуют[696], что богатство это обладает им, а он обладает богатством[697], и доказать наличие этого богатства он может, лишь трата его и распределяя, унижая других, помещая их в тени своего имени[698]. Знатный квакиютль и хайда обладают точно таким же понятием о «лице», как китайский ученый или чиновник[699]. Об одном из великих мифических вождей, не дававшем потлач, говорится, что у него было «испорченное лицо»[700]. Выражение здесь даже более точное, чем в Китае. Ибо на северо-западе Америки потерять престиж — значит одновременно потерять душу: это действительно «лицо», танцевальная маска, право воплощать дух,

носить герб, тотем, персону, которые вступают в игру и которые теряют в потлаче[701], в игре даров[702], как теряют их на войне[703] или вследствие ритуальной ошибки[704]. Во всех этих обществах спешат давать. В любой момент, выходящий за рамки повседневности, не считая даже зимних торжеств и собраний, вы должны пригласить друзей, разделить с ними плоды удачной охоты или собирательства, идущие от богов и тотемов[705]; вы должны распределять среди них все, что раздается на потлаче, где человек был приглашенным[706]; вы должны выражать признательность подарками за всякую услугу[707], услуги вождей[708], зависимых людей, родственников[709] — и все это делается, по крайней мере среди знати, из страха нарушить этикет и потерять свой ранг[710].

Обязанность приглашать совершенно очевидна, когда она выполняется кланами по отношению к кланам или племенам и по отношению к племенам. Она имеет смысл лишь в том случае, когда применяется к людям, не входящим в семью, клан или фратрию[711]. Надо приглашать всех, кто может[712] и очень хочет[713] прийти или приходит[714] на праздник, на потлач[715]. Забвение этого имеет пагубные последствия[716]. Один важный миф цимшиан[717] показывает, в каком состоянии духа зародилась существенная тема европейского фольклора: тема злой феи, которую забыли пригласить на крестины и на свадьбу. Канва установлений, на которой вышита эта тема, здесь четко обозначена; мы видим, в каких цивилизациях она функционировала. Принцесса из одной деревни цимшиан появилась в «краю выдр» и рождает чудесным образом от «Маленькой Выдры». Она возвращается со своим ребенком в деревню своего отца, вождя. «Маленькая Выдра»[718] ловит больших белых палтусов, которыми его дед угощает всех своих собратьев, вождей всех племен. Он представляет внука всем и советует им не убивать его, если они его встретят на рыбной ловле в облике животного: «Вот мой внук, принесший для вас эту пищу, которой я угощал вас, гости мои». Таким образом, дед разбогател от всякого рода имущества, которое приносили ему, когда к нему приходили угощаться китовым и тюленьим мясом, свежей рыбой, которую «Маленькая Выдра» приносила в голодные зимы. Но в гости забыли пригласить одного вождя. Однажды, когда экипаж лодки из племени, которым пренебрегли, встретил в море «Маленькую Выдру», державшую в зубах большого тюленя, лучник с лодки убил «Маленькую Выдру» и забрал тюленя. И дед, и племена искали «Маленькую Выдру» до тех пор, пока не узнали, что произошло с забытым племенем. Последнее принесло извинения; оно не знало «Маленькую Выдру». Ее мать-принцесса умерла от горя; невольный виновник вождь принес вождю-деду разного рода подарки в качестве искупления. И миф заключает[719]: «Вот почему народы устраивали большие праздники, когда рождался и получал имя сын вождя: чтобы все его знали». Потлач, распределение благ, составляет фундаментальный акт «признания»: военного, юридического, экономического, религиозного, во всех смыслах слова. Вождя или его сына «признают», и ему становятся «признательными»[720].

Иногда ритуал праздников у квакиютлей[721] и других племен этой группы выражает тот же принцип обязательности приглашения. Случается, что часть церемоний начинается церемонией Собак. Собаки представлены людьми в масках, которые уходят из одного дома, с тем чтобы силой проникнуть в другой. Церемония напоминает о событии, когда люди из трех других кланов племени собственно квакиютлей не пригласили представителей наиболее высокопоставленного среди них клана гетела[722]. Последние не захотели

остаться «непосвященными», они проникли в дом для танцев и все разрушили.

Обязанность принимать носит не менее принудительный характер. Отказаться от дара, от потлача не имеют права[723]. Действовать так — значит обнаружить боязнь необходимости вернуть, боязнь оказаться «уничтоженным», не ответив на подарок. В действительности это как раз и значит быть «уничтоженным». Это означает «потерять вес» своего имени[724]; это или заранее признать себя побежденным[725], или, напротив, в некоторых случаях провозгласить себя победителем и непобедимым[726]. Реально, вероятно, по крайней мере у квакиютлей признанное положение в иерархии, победы в предыдущих потлачах позволяют отказываться от приглашения или даже в случае присутствия на празднике отказываться от дара без последующей войны. Но тогда потлач обязателен для отказавшегося; особенно необходимо устроить более богатый праздник жира, где может состояться точно такой же ритуал отказа[727]. Вождь, считающий себя выше, отказывается от подносимой ему ложки, наполненной жиром; он выходит за своей «медью» и возвращается с ней, чтобы «погасить огонь» (жира). Далее следует ряд формальностей, обозначающих вызов и обязывающих отказавшегося вождя устроить другой потлач, другой праздник жира[728]. Но в принципе любой дар всегда принимается и даже расхваливается[729]. Следует громко оценить приготовленную еду[730]. Но, принимая ее, знают, что берут на себя обязательство[731]. Дар принимают «на спину»[732]. Вещью и пиром не просто пользуются, но принимают вызов, а принять его смогли потому, что есть уверенность в ответе на него[733], в доказательстве равенства[734]. Сталкиваясь подобным образом, вожди доходят до того, что оказываются в комических ситуациях, несомненно осознаваемых как комические. Как в древней Галлии или в Германии, как на наших студенческих, солдатских или крестьянских пирушках, пожирают огромное количество еды, гротескным образом «оказывают честь» тому, кто приглашает. Покорность проявляют даже потомки того, кому бросили вызов[735]. Уклониться от дарения, как и от принятия[736], — нарушить обычай, так же как и уклониться от возмещения[737].

Обязанность отвечать на дары[738] — это весь потлач в той мере, в которой не сводится к чистому разрушению. Сами же эти разрушения, чаще всего жертвенные, посвященные духам, по-видимому, не нуждаются в безусловном возмещении, особенно когда они совершаются верховным вождем в клане или вождем клана, уже признанного высшим[739]. Но в обычных условиях потлач всегда требует ответного потлача с избытком, и всякий дар должен возмещаться с избытком. Процент общего «избытка» колеблется от 30 до 100 в год. Даже если за оказанную услугу человек получает одеяло от своего вождя, он вернет ему два по случаю свадьбы в семье вождя, возведения на трон сына вождя и т. д. Вождь же, в свою очередь, отдаст ему все вещи, которые он получит во время ближайших потлачей, когда противоположные кланы возместят ему его благодеяния.

Обязанность достойно возмещать носит императивный характер[740]. Если не отдаривают или не разрушают эквивалентные ценности, то навсегда теряют лицо[741].

Санкцией для обязанности отдаривать служит рабство за долги. Она функционирует по крайней мере у квакиютлей, хайда и цимшиан. Это институт, реально сопоставимый по своей природе и по функции с римским *nexum*[742]. Индивид, который не смог вернуть долг или потлач, теряет свой ранг и даже ранг свободного человека. У квакиютлей, когда

неплатежеспособный индивид берет займы, о нем говорят как о «продающем раба». Нет нужды еще раз отмечать тождество этого выражения и римского[743].

Хайда[744] говорят даже — как будто им известно латинское выражение — о матери, делающей подарок матери молодого вождя по поводу его помолвки со своей юной дочерью, что она «обвивает его нитью».

Но, подобно тому как тробрианская кула — это лишь крайний случай обмена дарами, потлач в обществах северо-западного побережья Америки — это лишь нечто вроде чрезвычайного следствия системы подарков. По крайней мере в краю фратрий, у хайда и тлинкитов, остаются существенные следы прежней совокупной поставки, столь характерной, впрочем, и для атапасков, важной группы родственных им племен. Подарками обмениваются по любому поводу, в связи с каждой «услугой», и все возмещается впоследствии или даже тотчас же, с тем чтобы быть перераспределенным незамедлительно[745]. Цимшианы очень близки к соблюдению тех же правил[746]. И во многих случаях у квакиютлей они функционируют даже вне потлача[747]. Мы не будем настаивать на этом очевидном моменте: старые авторы не описывают потлач в других терминах, так что можно задаваться вопросом, составляет ли он особый институт[748]. Напомним, что у чинуков, одного из наименее изученных и наиболее важных для изучения племен, слово «потлач» означает дар[749].

Сила вещей

Можно продвинуться в анализе еще дальше и доказать, что в вещах, обмениваемых в потлаче, имеется свойство, заставляющее дары циркулировать, заставляющее дарить и возмещать их.

Прежде всего, по крайней мере квакиютли и цимшианы между различными видами собственности проводят то же различие, что и римляне или тробрианцы и самоанцы. У них существуют, с одной стороны, объекты потребления и обыкновенного дележа[750]. (Я не обнаружил следов обмена.) А с другой стороны, существуют фамильные драгоценности[751], талисманы, медные гербовые пластины, одеяла из шкур или гербовые ткани. Этот последний класс объектов передается столь же торжественно, как передаются женщины на бракосочетаниях, «привилегии» зятю[752], имена и обереги детей и зятьев. Было бы неточно говорить в данном случае об отчуждении. Эти объекты скорее даются займы, чем продаются и уступаются навсегда. У квакиютлей некоторые из них, хотя и появляются на потлаче, не могут уступаться. В сущности, такая «собственность» — это *sacra*[753], святыня, с которой семья расстается с трудом или не расстается никогда.

Более глубокие наблюдения обнаружат такое же разделение вещей у хайда. Они, по существу, даже обожествили, подобно древним, понятие собственности, имущества. Посредством мифологического и религиозного усилия, достаточно редкого в Америке, они возвысились до субстанциализации абстракции «Госпожа собственность» (английские авторы говорят *Property Woman*), о которой мы располагаем мифами и описаниями[754]. У них она вовсе не мать, это богиня — родоначальница доминирующей фратрии, фратрии орлов. Но, с другой стороны, существует странный факт, вызывающий очень далекие

реминисценции с азиатским и античным мирами: она, вероятно, тождественна «королеве»[755] — основной фигуре игры в чурки, той, которая все выигрывает, чье имя богиня частично носит. Эта богиня находится в краю тлинкитов[756], и миф о ней, а возможно, и ее культ обнаруживается у цимшиан[757] и квакиютлей[758].

Совокупность этих драгоценных вещей составляет магическое наследство; последнее часто тождественно и дарителю, и получателю, а также духу, который одарил клан этими талисманами, или герою, создателю клана, которому дух дал их[759]. Во всяком случае, все эти вещи во всех указанных племенах всегда имеют духовное происхождение и являются духовными по природе[760]. Более того, они хранятся в ящике, точнее, в большом сундуке, украшенном гербами[761], который наделен развитой индивидуальностью[762], который говорит, который привязан к своему хозяину, заключает в себе его душу и т. д.[763]

Каждая из этих драгоценных вещей, каждый из этих знаков богатства, как и на островах Тробриан, обладает своей индивидуальностью, своим именем[764], своими свойствами, своей силой[765]. Большие раковины абалоне[766], покрытые ими щиты, украшенные ими пояса и одеяла, одеяла сами по себе[767] с изображениями гербов, лиц, глаз, а также с ткаными и вышитыми изображениями животных и людей, дома и балки, декорированные стены[768] — все они представляют собой живые существа. Все говорит: крыша, огонь, изваяния, роспись; ведь магический дом строится[769] не только вождем, или его людьми, или людьми парной фратрии, но также и богами и предками; именно он принимает и исторгает одновременно духов и прошедших инициацию.

Каждая из этих драгоценных вещей[770], кроме того, содержит в себе способность к воспроизведению[771]. Она не просто знак и залог; она также знак и залог богатства, магический и религиозный принцип высокого положения и изобилия[772]. Блюда[773] и ложки[774], которые используют на торжественных трапезах, украшенные, резные, с эмблемой тотема клана или тотема ранга, — это живые вещи. Это копии орудий, бесчисленных, созидающих пищу, которую духи давали предкам. Сами они считаются волшебными. Таким образом, вещи смешиваются с духами, их творцами, орудия еды — с пищей. Кроме того, блюда у квакиютлей и ложки у хайда являются важнейшими ценностями, необходимыми для очень ограниченного обращения, и очень скрупулезно распределяются между кланами и семьями вождей[775].

Деньги «с репутацией»

[776] Однако объектом наиболее важных верований и даже культа выступают медные слитки с клеймом[777], которые являются основополагающими для потлача[778]. Прежде всего во всех этих племенах существуют культ меди и миф о ней[779] как о живом существе. Медь, по крайней мере у хайда и квакиютлей, отождествляется с лососем, который сам является объектом культа[780]. Но помимо этого элемента метафизической и технической мифологии[781] все эти куски меди по отдельности являются объектом индивидуальных и своеобразных верований. Каждый значительный слиток вождей имеет свое имя[782], свою собственную индивидуальность, свою собственную стоимость[783] в полном смысле слова, магическую и экономическую, постоянную, устойчивую, несмотря на смену потлачей, через которые они проходят, и даже вопреки частичным или полным

разрушениям[784].

Медные слитки обладают, кроме того, притяжением, привлекающим другую медь, так же как богатство притягивает богатство, как достоинства влекут за собой почести, обладание духами, прекрасные союзы[785], и наоборот. Они живут, самостоятельно движутся[786] и вовлекают в движение[787] другие медные пластины. Одна из них[788] у квакиютлей называется «увлекающая за собой медь»; это выражение характеризует то, как медные пластины собираются вокруг нее, а имя ее владельца — это «имущество, стекающееся ко мне». Другое распространенное имя медных пластин — «приносящая собственность». У хайда и тлинкитов медные пластины — это «сильные» около принцессы, приносящей их[789]. В других местах вождь, владеющий ими[790], делается непобедимым. Они представляют собой «гладкие божественные вещи»[791] дома. Часто миф отождествляет их всех, духов-дарителей медных пластин[792], собственников этих пластин и сами пластины[793]. Невозможно различить, что создает силу одного из духов и богатство другого: медь говорит, ворчит[794]; она требует, чтобы ее отдали, разбили, ее покрывают одеялами, чтобы согреть, так же как вождя накрывают одеялами, которые он должен раздать[795].

Но, с другой стороны, одновременно с имуществом[796] передаются богатство и удача. Это ее дух, это ее духи-помощники делают посвященного обладателем медных пластин, талисманов, которые сами являются средством приобретения медных пластин, богатств, рангов и, наконец, духов; впрочем, все эти вещи равнозначны. В сущности, когда оцениваются одновременно медные пластины и другие постоянные формы богатства, которые также являются объектами чередующихся накоплений и потлача (маски, талисманы и т. д.), они все смешиваются с их использованием и с их действием[797]. Через их посредство достигаются ранги; именно потому, что приобретают богатство, добиваются духа, а последний, в свою очередь, овладевает героем, преодолевающим препятствия. И тогда этот герой также заставит себе заплатить своими шаманистскими трансми, ритуальными танцами, услугами за его командование. Все держится друг за друга, перемешивается; вещи обладают личностью, а личности в определенном смысле представляют собой постоянные вещи клана. Титулы, талисманы, медные пластины и духи вождей — это омонимы и синонимы[798], имеющие одинаковую природу и функцию. Циркуляция имущества сопровождает циркуляцию мужчин, женщин и детей, пиров, обрядов, церемоний и танцев и даже циркуляцию шуток и оскорблений. Суть везде одна и та же. Если дают вещи и возмещают их, то это потому, что друг другу дают и возмещают «уважение» — мы говорим также «знаки внимания». Но дело также и в том, что, одаривая, отдают себя, а отдают себя потому, что именно себя, вместе со своим имуществом, «должны» другим.

Первое заключение

Итак, среди четырех значительных групп народов мы вначале обнаружили в двух или трех группах потлач, затем выявили главную причину и стандартную форму самого потлача и, наконец, обнаружили за ним и во всех этих группах архаическую форму обмена, форму подносимых и получаемых в ответ даров. Более того, мы идентифицировали циркуляцию вещей в этих обществах с циркуляцией прав и личностей. Мы могли бы на этом и

остановиться. Масштаб, распространенность, важность этих явлений позволяют нам полностью представить себе порядок, который типичен, вероятно, для очень значительной части человечества в течение весьма длительной переходной фазы, который сохраняется еще и у других народов, помимо тех, что мы сейчас описали. Они позволяют нам понять, что этот принцип обмена-дара, вероятно, присущ обществам, которые вышли из стадии «совокупной, тотальной поставки» (от клана к клану и от семьи к семье), но еще не пришли к чисто индивидуальному договору, к рынку, где обращаются деньги, к продаже в собственном смысле и особенно — к понятию цены, определяемой во взвешиваемой и пробируемой монете.

Версия #2

Зверобой создал 26 апреля 2026 02:11:12

Зверобой обновил 26 апреля 2026 02:18:06